

23.00.02

Политические институты,
процессы и технологии
Political institutions,
processes and technologies

DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-59-70
УДК 327.7

Внешние триггеры
интеграционных процессов
в Центральной Азии

В.И. Михайленко^а ©, Р. Сухроб^б ©

Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

^а E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

^б E-mail: izan_93@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние внешних акторов на процессы интеграции и регионализации в Центральной Азии. Авторы рассматривают Центральную Азию как регион, находящийся в стадии переформатирования. В своих ранее опубликованных статьях они анализировали внутрирегиональные процессы, которые влияют на интеграцию. В данной статье анализируют роль внешних акторов, а именно глобальных и крупных региональных держав на формирование региона. Авторы отмечают возросшую конкуренцию со стороны интеграционных проектов в регионе, особенно речь идет о транспортных и логистических инфраструктурных проектах. В связи с этим в статье поднимается тема сопряжения интеграционных проектов, предлагаемых внешними акторами. На примере анализа попыток сопряжения российского проекта ЕАЭС и китайского «Один пояс, один путь» авторы указывают на сложности достижения взаимодействия между конкурирующими партнерами. В статье отмечается, что России, несмотря на имеющиеся ресурсы использования «мягкой силы» в регионе, необходимо учитывать усиливающееся соперничество со стороны внешних акторов за влияние в регионе и гибко реагировать на возникающие вызовы.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, ЕАЭС, Один пояс – один путь, европейский интеррегионализм в Центральной Азии, тюркский мир, Индия в Центральной Азии, Япония в Центральной Азии

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Михайленко В.И., Сухроб Р. Внешние триггеры интеграционных процессов в Центральной Азии // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 1. С. 59–70. DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-59-70

External triggers of integration processes in Central Asia

V.I. Mikhaylenko^a ©, R. Suhrob^b ©

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation,

^a E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

^b E-mail: izan_93@mail.ru

Abstract. The article examines the influence of external actors on the processes of integration and regionalization in Central Asia. The authors view Central Asia as a region undergoing reformatting. In their previously published articles, they analyzed intraregional processes that affect integration. In this article, I analyze the role of external actors, namely, global and major regional powers in the formation of the region. The authors note the increased competition from integration projects in the region, especially transport and logistics infrastructure projects. In this regard, the article raises the topic of pairing integration projects proposed by external actors. Using the example of the analysis of attempts to pair the Russian EAEU project and the Chinese one "Belt, One Road", the authors point to the difficulties of achieving interaction between competing partners. The article notes that in spite of the available resources for using "soft power" in the region, Russia must take into account the growing rivalry on the part of external actors for influence in the region and respond flexibly to emerging challenges.

Key words: Central Asia, Russia, EAEU, One Belt – One Road, European interregionalism in Central Asia, the Turkic world, India in Central Asia, Japan in Central Asia.

FOR CITATION: Mikhaylenko V.I., Suhrob R. External triggers of integration processes in Central Asia. *History and Modern Perspectives*. 2021. Vol. 3. No. 1. Pp. 59–70. (In Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-59-70

ВВЕДЕНИЕ

Данная публикация является логическим продолжением нашей статьи, опубликованной ранее в этом журнале [10]. Авторы разделяют господствующие в современной регионалистике выводы о том, что процесс деглобализации и распада однополярности будет сопровождаться усилением региональной интеграции («мир регионов»), что наряду с западными теориями регионализма будут наращивать свой эвристический потенциал незападные теории, усилятся конкуренция и соперничество интеграционных моделей [27].

Опыт региональной интеграции в Центральной Азии (ЦА) приобретает особое значение в теоретическом и практическом плане по нескольким причинам. Во-первых, в ЦА продолжается процесс формирования региона. Не без оснований в его состав включают Афганистан (интервью Ф. Старр). Несмотря на декларирование главами государств ЦА культурно-исторической общности, исторического опыта соседского проживания, региональную интеграцию тормозит наличие глубоких расхождений по пограничным, водным, транспортным, экономическим и другим проблемам.

Во-вторых, все государства ЦА в большей или меньшей степени ощущают давление со стороны внешних акторов (глобальных и влиятельных региональных держав). Финансовая и экономическая зависимость

некоторых из них от внешних акторов является угрозой для сохранения независимой политики и принятия самостоятельных политических решений.

В-третьих, глобализация сломала территориальные представления о физических границах государств и регионов. Такие регионы, как ЦА, становятся объектами соперничества со стороны мегаинтеграционных проектов, выдвигаемых глобальными и крупными региональными акторами. Среди них российский антизападный «Большое Евразийское партнерство», китайский трансконтинентальный «Один пояс – один путь», либеральный «европейский интеррегионализм», индийский транспортный коридор «Север-Юг» и др. С приходом администрации демократов к власти не исключено возвращение США к внешнеполитическому мышлению глобальными категориями.

В-четвертых, регион ЦА обладает высоким сырьевым и логистическим транзитным потенциалом. Подлинными триггерами переформатирования регионов становятся инфраструктурные проекты (разнообразные транснациональные сети, транспортные, сырьевые, энергетические маршруты, водные ресурсы, цифровые технологии и др.), которые могут быть инициированы отдельными акторами или группой государственных и негосударственных акторов. По своему синергетическому эффекту некоторые инфраструктурные проекты могут превзойти ресурсные возможности любого государства.

КОНЦЕПЦИЯ «СЕВЕРНОГО ПОЯСА»

Провоцирует размышления недавняя научная разработка группы ученых «Аравия – Азия» из Института Ближнего Востока (Сингапур) относительно интеграционных проектов «Северный Пояс» (Northern Tier) и «Южный Пояс» (Southern Tier) [43]. Концепция основывается на изучении различных измерений, современных и исторических, географической и культурной оси, которые объединяют Аравию, регион Западной Азии с Сингапуром и его азиатскими соседями.

Авторы обращают внимание на историческое происхождение концепции «Северного пояса». Предшествующий проект был задуман англичанами в 1920-х гг. как буферная зона, включающая Турцию, Иран и Афганистан, между Британией и Советским Союзом и сохранил свое значение в период холодной войны как арена соперничества великих держав, когда на смену англичанам пришли США [Там же].

Авторы концепции полагают, что из ближневосточного хаоса может кристаллизироваться новая «макро-экономическая структура, которая соединит многие разрозненные точки событий». Стимулом появления концепции послужило сотрудничество в период сирийского кризиса между Турцией, Ираном и Россией. А примером сотрудничества рассматривается «Астанинский процесс» по Сирии¹.

Особое значение имеет развитие транзитных участков континентальных сухопутных путей. Казахстан увеличил пропускную способность морского порта Актау на Каспийском море, Иран связал свои железные дороги с морскими портами в Персидском заливе, а Китай существенно реорганизовал свою железнодорожную сеть, прилегающую к Центральной Азии. Строительство сети трансконтинентальных, региональных и местных железных и автомобильных дорог позволило странам Центральной Азии получить доступ к Китаю и Ирану, а следовательно, и к внешнему миру. Регион будет открываться и превратится в крупную транзитную часть трансконтинентальной торговли [30].

Важную роль в регионе уже выполняет Транс-Анатолийский газопровод (Trans-Anatolian Natural Gas Pipeline, TANAP), поставляющий газ из Азербайджана в Европу через Турцию и Грузию. Обсуждаются планы присоединения к нему Ирана, Туркменистана и Казахстана. «Северный пояс» рассматривается авторами концепта как новая ось евразийской интеграции.

Авторы концепции предостерегают против упрощенной оценки формирующегося региона, включающего северную часть Ближнего Востока, Западную Азию (Турцию, Иран), Каспийский регион и Центральную Азию. Продвижение китайского проекта «Один пояс, один путь» создает в регионе большой заказ на развитие транспортной и энергетической инфраструктуры.

В рамках ближневосточной политики Россия проявляет свою заинтересованность в развитии интеграционных связей с государствами «Северного пояса». Тем не менее, Б. Фридман полагает, что было бы «ошибкой рассматривать Россию как часть сегодняшнего Север-

ного пояса». Вместе с тем, он указывает на ресурсы влияния России в регионе и выделяет важную дипломатическую роль России в качестве арбитра в отношениях между государствами региона [33].

ЭКСПАНСИЯ ТЮРКСКОГО МИРА В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ РЕГИОН

Турция выстраивает общее цивилизационное пространство от Балкан и Южного Кавказа до Центральной Азии и Алтая, в т.н. ареале распространения тюркского этноса. Исключение Таджикистана из тюркского ареала не следует считать неизбежным. Как отмечает директор аналитического центра «Prudent Solutions» Э. Усубалиев, «таджики – это неотъемлемая часть общего тюрко-персидского религиозного, культурного и цивилизационного пространства». «По сути, Таджикистан, несмотря на принадлежность к персидскому этносу, в культурном плане ближе к тюркскому миру, чем к персидскому». Тем не менее, «если отталкиваться от того факта, что Турция сейчас выступает главным инициатором сотрудничества под эгидой тюркского мира, то это, в первую очередь, экономика, торговля и энергоресурсы» [24]. После карабахского конфликта, констатирует Э. Усубалиев, открываются возможности для формирования новых транспортных и энергетических путей, которые соединяют Центральную Азию, Южный Кавказ и Турцию. Фактически формируется цельное географическое пространство тюркского мира [Там же].

СТРАТЕГИЯ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Кризис 2008 г. побудил страны ЦА искать новые финансовые источники. В 2008 г. Катар достиг соглашения о создании в Казахстане совместного исламского финансового банка.

После официального визита президента Казахстана Н. Назарбаева в ОАЭ в 2009 г. в Астане был открыт первый частный исламский банк в регионе «Аль-Хилал». Основной проект ОАЭ в Казахстане связан со строительством Международного финансового центра в Астане с целью позиционирования Казахстана в качестве основного финансового центра региона. Он повторяет модель Дубайского международного финансового центра, обслуживает Исламские банки и рынки капитала, и планирует стать одним из двадцати ведущих финансовых центров в мире [44].

Страны Персидского залива вовлечены в проекты по развитию энергетической инфраструктуры в ЦА, прежде всего, с Казахстаном и Туркменистаном. Тем не менее, они не представлены в качестве операторов в нефтегазовых компаниях региона. Сотрудничество ограничивается химической, нефтехимической, электротехнической, ядерной отраслями. К примеру, ОАЭ импортируют казахстанские реакторы для обогащения урана [29].

Важные проекты, реализованные с использованием инвестиций Саудовской Аравии, включают в себя реконструкцию автодороги Караганда-Астана. Другие арабские инвесторы, Исламский банк развития и Фонд развития Абу-Даби, также приняли участие в проекте.

¹ В рамках Астанинского процесса, начатого в январе 2017 г., состоялось несколько раундов переговоров между вооруженной оппозицией и правительством Сирии при содействии России, Ирана и Турции.

Исламский банк развития в Казахстане профинансировал такие инфраструктурные проекты как строительство альтернативного маршрута через перевал Курдай, строительство автомагистрали Бэйли-Кульсары, реконструкция аэропорта в Атырау, строительство автомагистрали от Астаны до Борового, водоснабжение для сельскохозяйственных территорий в северном и центральном Казахстане и строительство медицинских учреждений в Астане (Нур-Султане) [44].

Новые возможности сотрудничества между государствами ЦА и Персидского залива складываются в связи с реализацией китайского проекта Шелкового пути. Во время Форума сотрудничества Китай – арабские страны 5 июня 2014 г. китайская сторона представила проект «Дорожная карта «1 + 2 + 3». Согласно этой модели, предусмотрено сотрудничество на основе развития энергетики, инфраструктуры и ядерной отрасли. В этом контексте ЦА рассматривается как естественный транзитный пункт для расширения инфраструктуры сухопутных торговых потоков между Китаем, а в более широком контексте между Восточной и Юго-Восточной Азией, с одной стороны, и странами Персидского залива, с другой [13].

Ограничения с туркменской стороны на строительство сухопутных транспортных маршрутов через территорию Туркменистана остается серьезным препятствием для развития коридоров, соединяющих Китай и Персидский залив через ЦА и Иран. Несмотря на официальные заявления, правительство Туркменистана продолжает ограничивать свое участие в китайском проекте, устанавливая законодательные барьеры для сотрудничества в области создания инфраструктуры с Китаем или одобряя участие в относительно ограниченном количестве проектов по соединению дорожных инфраструктур. Прорывным стало конфиденциальное соглашение компании Мубадала с Туркменгазом, подписанное во время визита президента Г. Бердымухамедова в ОАЭ в 2019 г. Туркменистан также заключил пятилетний контракт на сумму 100 миллионов долларов США на разработку своих морских углеводородных ресурсов. Подрядчиком выступила компания Dragon Oil, подразделение Национальной нефтяной компании Эмиратов, которая зарегистрирована в Ирландии, но базируется в Дубае. Компания работает на двух морских месторождениях контрактной зоны Челекен – Джейтун (Лам) и Джыгалыбег (Жданов) [44].

Исключением из этой нормы является железная дорога Казахстан-Туркменистан-Иран. Эта железная дорога, которая открылась в феврале 2016 г. и проходит в основном через территорию Туркменистана, предназначена для более чем 30-кратного сокращения доставки товаров между Шанхаем и иранским портом Бендер-Аббас. Интенсивность транспортных коммуникаций должна возрасти в связи с открытием нового терминала в порту Халифа (Абу-Даби).

В рамках этого процесса развития транспортной инфраструктуры капитал из стран Персидского залива начал направляться на поддержку крупных и мелко-масштабных проектов в ЦА.

В связи с засильем китайского присутствия в Казахстане и Таджикистане эксперты рассматривают послекаримовский Узбекистан в качестве наиболее перспективной страны для инвестиций из стран Персидского

залива [29]. Недавно созданный совместный инвестиционный фонд между ОАЭ и Узбекистаном намерен в долгосрочной перспективе привлечь 3 млрд долл. в экономику Узбекистана. В планах стран Залива выход на узбекский сельскохозяйственный рынок, текстильный сектор. Кувейтский фонд экономического развития арабских стран продолжает оказывать помощь в развитии Узбекистана и с этой целью недавно утвердил кредитные проекты в размере 30,6 млн долл. в шести регионах Узбекистана [Там же].

Отношения стран Персидского залива с Таджикистаном находятся в обратно пропорциональной зависимости от отношений Таджикистана с Ираном. Их ухудшение привело к созданию в конце 2017 г. ОАЭ общего инвестиционного фонда в Таджикистане для развития экономических связей между двумя странами. К примеру, 25,5 млн долл. предоставлены в марте 2018 г. Кувейтским фондом арабского экономического развития для финансирования работ по обслуживанию строящейся автомагистрали Куляб-Калаихумб [29]. Тендер на строительство дороги выиграла китайская компания [2]. Исламский банк развития и Фонд международного развития ОПЕК также присоединились к проекту. Катар спонсирует несколько проектов в Таджикистане. Одним из них является элитный жилой комплекс «Диар Душанбе», которым управляет компания Qatar Diar. Во время официального визита в Доху в 2017 г. президент Рахмон предложил большое количество инвестиционных проектов от энергетики и инфраструктуры до сельского хозяйства и водоснабжения. Но политическая и экономическая элита арабских монархий не стремится запускать масштабные проекты в Таджикистане [44].

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ИНДИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Индия рассматривает свое присутствие в Центральной Азии под углом обеспечения своих геополитических интересов. Начиная с 1990-х гг. Нью-Дели распространил на государства ЦА Индийскую программу технического и экономического сотрудничества (Indian Technical and Economic Cooperation Programme, ITEC). Направления программы ITEC охватывают информационные технологии, менеджмент, журналистику, дипломатию, предпринимательство и банковское дело. Индия подписала соглашения о стратегическом партнерстве с тремя центральноазиатскими государствами – Казахстаном, Таджикистаном и Узбекистаном – для стимулирования сотрудничества в сфере обороны и углубления торговых отношений. В этих государствах открыты индийские культурные центры, предоставляются стипендии студентам для обучения в университетах Индии.

Индия строит свой формат влияния в ЦА, независимый от России и США и конкурирующий с китайским «Один пояс, один путь».

В 2012 г. Нью-Дели принимает новую программу «Соединить Центральную Азию» (Connect Central Asia). Программа направлена на региональное развитие и создание международной инфраструктуры.

В Узбекистане Индия открыла совместные проекты в области фармацевтики, текстиля, строительства,

химии. Индия заинтересована в поставках туркменского газа по трубопроводу, который пройдет через Афганистан и Пакистан. Продолжительное время Индия являлась покупателем урана в Казахстане и только в течение последних трех лет сместила свои приоритеты в приобретении урана в сторону России и Австралии.

Индия проявляет обеспокоенность распространением исламского экстремизма и терроризма в регионе. Некоторые индийские эксперты считают, что «дуга нестабильности» для Индии начинается в Ферганской долине. В связи с этим Индия принимает участие в мероприятиях по обеспечению региональной безопасности и стабильности в ЦА.

Встреча лидеров Индии, Ирана и Афганистана в Тегеране 24 мая 2016 г. была направлена на укрепление связей с Афганистаном, странами Центральной Азии и остальной Евразии. Для решения вышеобозначенных задач логичным является участие Индии в работе Шанхайской организации сотрудничества [30].

Ограниченный товарооборот между Индией и ЦА (в пределах 500 млн долл в год) связан, прежде всего, с ограниченными коммуникациями.

Индия сдержанно относится к китайскому продвижению в Южной и Центральной Азии, на Ближнем Востоке. Озабоченность в Нью-Дели вызывают перспективы формирования Китаем блока с участием Турции, Ирана и Пакистана, который может поставить Индию в изоляцию [42].

Для преодоления изоляции Индия инициирует создание Транспортного коридора «Север-Юг» (North South Transport Corridor, NSTC). Она финансирует строительство порта Чабахар (Чехбхар) на территории Ирана. Соглашение о транзите товаров через порт Чабахар состоялось 23 октября 2018 г. в Тегеране в ходе первого заседания Координационного совета соглашения о создании международного транспортного и транзитного коридора между Ираном, Индией и Афганистаном (Чабахарского договора). Официальное открытие коридора состоялось 24 февраля 2019 г. в Кабуле с участием официальных лиц Афганистана, Индии и Ирана [41].

К 2022 г. планируется завершить строительство железной дороги от Чабахара до Захедана. Вместе с участием железной дороги Мешхед-Захедан, строительство которой было начато в 2017 г., страны ЦА получают выход к Индийскому океану [1].

ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Япония проявляет повышенный интерес к природным ресурсам ЦА. После распада СССР министр иностранных дел Японии М. Ватанабе посетил Кыргызстан и Казахстан в 1992 г. Были обсуждены планы по оказанию экономической помощи центральноазиатским государствам. В связи с удаленностью политика Токио в регионе была отмечена неравномерными периодами повышенной активности и длительного спада [47].

Одним из проектов, разработанных и обсуждавшихся в 1992 г., был газопровод Туркменистан–Китай–Япония протяженностью 8000 км с пропускной способностью 30 млрд м³ газа в год. Первоначально трубопровод был спроектирован China Petroleum Engineering & Construction Corporation (Китай), к которой позже присоединились Mitsubishi Corporation (Япония) и Exxon

(США). Этот трубопровод должен был стать частью обширной газопроводной сети, соединяющей Туркменистан, Узбекистан и Казахстан с пользователями в Китае, Южной Корее и Японии. В период обсуждения проекта строительства газопровода Туркменистан–Западный Китай–Япония масштабные проекты считались убыточными из-за низких мировых цен на газ и чрезмерно высокой стоимости самого проекта (около 9 миллиардов долларов). В результате работа была приостановлена. В дальнейшем Китай утратил интерес в продлении газопровода до Японии [Там же].

Тем не менее проблема получения доступа к углеводородным ресурсам продолжала оставаться в центре внимания японской политики. В «белой книге» по энергетической политике, изданной в 1993 г., подчеркивалась важность ресурсов нефти и газа, в том числе расположенных в ЦА.

В 2002 г. между Японией и Узбекистаном было объявлено стратегическое партнерство [22].

В 2004 г. Япония предложила новый формат сотрудничества «Диалог Центральная Азия плюс Япония», который был одобрен четырьмя странами региона, за исключением Туркменистана. В этот период Туркменистан ориентировал свое сотрудничество преимущественно на Китай и начал участвовать в диалоге только в 2010 г. Японская сторона акцентировала внимание на необходимости развития многостороннего сотрудничества в ЦА, подчеркнув, что ее цели носят долгосрочный характер. Эти идеи были развиты в 2006 г. на второй встрече министров иностранных дел в Токио в формате «Диалог Центральная Азия плюс Япония». На встрече был принят План действий, предусматривающий развитие политического диалога наряду с экономическим сотрудничеством. В том же 2006 г. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии разработало национальную энергетическую стратегию, в которой подчеркивалась необходимость расширения связей со странами, богатыми энергоресурсами [47].

В августе 2006 г. премьер-министр Японии нанес визит в страны ЦА, что продемонстрировало возрастающую роль региона в японской политике. Визит проходил под знаком новой разработанной концепции «Дуга свободы и процветания» (Arc of Freedom and Prosperity). Новая инициатива японской дипломатии включала продвижение таких универсальных ценностей как свобода, демократия и верховенство закона. Япония продолжала уделять внимание расширению сотрудничества со странами ЦА в разработке ресурсов, в частности, в совместной разработке урановых месторождений в Казахстане и нефтегазовых месторождений в Туркменистане и Узбекистане [Там же].

В политике Японии в ЦА подспудно проявляется соперничество с Китаем. Например, в ходе поездки японского премьера по ЦА в октябре 2015 г. было заключено соглашений о сотрудничестве на немалую сумму в 27 млрд долл. [14].

В ноябре 2016 г. в ходе визита президента Казахстана в Японию было подписано соглашение «О расширенном стратегическом партнерстве в век процветания Азии», которое предусматривало развитие двусторонних отношений по широкому кругу вопросов от гуманитарного сотрудничества до сотрудничества в областях экономики, безопасности, добычи

сырьевых ресурсов, развития производственной инфраструктуры [18].

В мае 2019 г. в Душанбе прошла седьмая встреча министров иностранных дел стран ЦА (Туркменистан был представлен зам. главой МИД) и Японии в рамках Диалога «ЦА + Япония». Состоялись три сессии по трем направлениям сотрудничества: в сфере туризма, в сферах торговли, инвестиций и развития, региональной безопасности и регионального сотрудничества в ЦА. В совместном заявлении участники Диалога выразили признательность Японии за предоставление кредитов, направленных на улучшение экономической инфраструктуры, подготовки кадров, здравоохранение, региональное развитие, предотвращение бедствий и борьбу с терроризмом и наркотиками [4].

Как отмечают Е.Ф. Троицкий и М.Ю. Ким, общий объем официальной помощи, предоставленной Японией центральноазиатским государствам, составил за 2001–2015 гг. более 1,6 млрд долл [22].

В последние годы Японии удалось сформировать позитивный имидж в регионе ЦА, что является результатом ее «мягкой силы», основанной на многочисленных программах содействия развитию, проводимых центрами Японского агентства по международному сотрудничеству (Japan International Cooperation Agency).

В целом руководство Японии проводит взвешенную и прагматичную политику в ЦА, которая ей, в отличие от Китая, не приносит больших дивидендов. Анализируя позиции Токио в ЦА как конкурента, китайские аналитики приходят к выводу о том, что Япония не может составлять успешную конкуренцию Китаю в ключевых для китайского бизнеса нишах. Японское влияние они рассматривают как сегментированное. Тем не менее, внимательно отслеживают японскую экспансию в определенные стратегические ниши в ЦА [6].

СЛАБЕЮЩИЙ ФАКТОР США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Наиболее глубоким в отечественной историографии исследованием политики США в ЦА является монография Д.С. Попова [16]. К этой теме обращались М. Троицкий, Р.Ю. Рыбкин, Е.Ф. Троицкий, А.А. Умаров [17; 23; 25; 45].

В связи с началом военной кампании в Афганистане в 2001 г. возросло значение ЦА как логистического центра для США. На территории государств ЦА было размещено несколько военных баз США. В Узбекистане американская база разместилась в 2001 г. на бывшей советской авиабазе Карши-Ханабад, куда перевели около полутора тысяч американских военнослужащих, эскадрилью транспортной авиации и около десятка вертолетов. Военная база функционировала до 2005 г. В Киргизии база США была создана также в 2001 г. на аэродроме Манас, неподалеку от Бишкека. Через эту базу ежемесячно проходило транзитом до 35 тыс. военнослужащих и 500 т грузов, следующих в Афганистан и обратно. В 2009 г. база была преобразована в Центр транзитных перевозок США [17].

В период президентства Д. Трампа в связи с официальным объявлением о завершении афганской военной кампании интерес США к ЦА стал ослабевать. М. Ларуэль и Д. Ройс констатируют, что это связано

в том числе с глобальным ослаблением американских позиций [38].

Необходимо отметить непоследовательность подходов Вашингтона к региону, в частности, несколько лет назад Афганистан был включен в состав Центральной Азии, но его нет в формате «C5 + 1», созданном Дж. Керри при администрации Обамы. До сих пор лидеры США ни разу не были в странах региона, хотя главы всех государств ЕС, Китая и Индии уже посетили несколько раз [30].

В соответствии с предвыборной программой Д. Трампа Госдепартамент начал сокращать объем иностранной американской помощи. По сравнению с 2017 г., США планировали сократить военную помощь странам ЦА более чем на треть – с 15,67 миллиона долларов до 9,153 млн долл. Эти средства направлены на развитие военного образования, нераспространение, борьбу с терроризмом, разминирование и т.д. Дополнительная помощь в борьбе с распространением наркотиков и укреплении правопорядка запланирована только Таджикистану. С 2000 по 2017 г. объем помощи США странам региона составил 2,17 млрд долларов. Несмотря на сокращение поддержки стран Центральной Азии в предстоящие годы, США продолжают оставаться в регионе и сохранять влияние [Там же].

Несмотря на это эксперты отмечают усиление противоборства в информационном пространстве государств ЦА между США и Китаем за информационное влияние в регионе [Стратегия России]. В связи с изменением внешнеполитической стратегии Вашингтона с приходом новой администрации можно прогнозировать увеличение интереса США к региону ЦА.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ИНТЕРРЕГИОНАЛИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В наших ранее опубликованных работах подробно рассматривалась динамика политики ЕС в ЦА [12]. В связи с этим обратим внимание на появление новых тенденций в политике ЕС после смены руководящих лиц. В конце 2019 г., когда нынешняя Коллегия комиссаров Европейской комиссии вступила в должность, в политике международного сотрудничества ЕС происходили изменения. Президент фон дер Ляйен направила Ю. Урпилайнен письмо с предложением о новой должности – Комиссар по международному партнерству (ранее должность называлась Комиссар по международному сотрудничеству и развитию). Изменение названия должности отразило новые подходы в ЕС: переход от «отношений донор-получатель» к «партнерству на равных» между ЕС и развивающимися странами [32]. В политике ЕС в ЦА новые тенденции пока не проявились.

ФАКТОР КИТАЙСКОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Фактор китайской «мягкой силы» в региональной политике в ЦА заслуживает особого внимания. В последние годы собственная региональная политика Китая в ЦА приобретает институциональные формы Кусега. Одним из первых шагов в этом направлении

Михайленко В.И., Сухроб Р.

стало провозглашение в сентябре 2013 г. Председателем Китая Си Цзиньпином в присутствии Президента Н. Назарбаева в одноименном университете идеи «Экономического пояса Шелкового пути». Позднее эта инициатива получила название «Один пояс и один путь» (BRI). Эта инициатива объединяет экономические, финансовые, интеллектуальные и культурные ресурсы для развития транснациональных политико-экономических связей между Китаем и его более широким евразийским соседством. Проект охватывает 65 азиатских и европейских стран с общим ВВП более 27 трлн долл. [30].

С момента объявления инициативы BRI Китай вложил почти 700 млрд долл. в более чем 60 стран мира, большая часть которых была представлена в виде крупных инфраструктурных проектов и кредитов правительства. Идея состояла в том, чтобы «приблизить эти страны к Пекину, одновременно усиливая китайскую мягкую силу за рубежом» [39].

Китай использует пять инструментов «мягкой силы»: продвижение китайской культуры за рубежом, прежде всего, через Институты Конфуция; политические ценности, которые включают внутреннее устройство как образец эффективного управления; внешняя политика, целью которой является установление нового равноправного и справедливого международного порядка; привлекательная модель экономического развития; создание привлекательного международного имиджа [Там же].

В декабре 2014 г. Китай и Казахстан подписали официальное соглашение о «Совместном строительстве экономического пояса Шелкового пути», а в сентябре 2015 г. с государственным визитом в Пекин президент Назарбаев, была подписана декларация о координации казахстанской государственной программы реализации государственных расходов «Нурлы жол» (Яркий путь). Впоследствии были созданы казахстанско-китайские рабочие группы, чтобы конкретизировать согласованность обеих инициатив,

С 2016 г. Китай использует в регионе «Четырехсторонний механизм по сотрудничеству и координации (ЧМСК)» (Quadrilateral Cooperation and Coordination Mechanism), где помимо Китая принимают участие Пакистан, Таджикистан и Афганистан. Стороны договорились создать Четырехсторонний механизм для «координации и поддержки друг друга в целом ряде областей, включая изучение и оценку ситуации в области борьбы с терроризмом, подтверждение информации, обмен разведывательными данными, укрепление антитеррористического потенциала, совместную антитеррористическую подготовку и подготовку персонала». Было отмечено, что деятельность в рамках соглашения будет опираться на Устав ООН и международное право [26].

Успешный опыт Китая в области военного сотрудничества с Таджикистаном может привести к увеличению количества двусторонних проектов с Пекином в сфере безопасности во всем регионе ЦА. Таджикистан может стать моделью для реализации политики Китая в ЦА, которая может меньше опираться на «soft power», делая ставку взамен на «липкую» силу [3].

В 2019 г. доля Китая в общем объеме прямых иностранных инвестиций в Таджикистане составляла

75%. На сегодняшний день Душанбе задолжал Пекину 1,1 млрд долл. – это половина объема внешнего долга Таджикистана. В настоящее время в Таджикистане инвестируют и действуют более 400 китайских предприятий, что делает их крупнейшими налогоплательщиками и основными экспортерами. За последние несколько лет китайской компанией ТВЕА были построены пять линий электропередач, которые позволили объединить воедино отдельные части энергосистемы страны, что было очень важным в условиях многолетнего зимнего энергодефицита. Кроме того, в Душанбе китайцы построили тепловую электростанцию (ТЭЦ «Душанбе-2»), в счет которой Душанбе передал Пекину золоторудное месторождение «Верхний Кумарг» и «Восточный Дуоба» в Согдийской области [Там же].

Планомерно и последовательно выстраиваемая геополитика Китая на Памире способствует наращиванию не только экономического, инфраструктурного, но и военного влияния, укрепляя перспективы конечного доминирования Китая в Афганистане, Пакистане и ЦА [Там же].

Сотрудница Российского института стратегических исследований И.Ю. Фролова полагает, что «сегодня стратегические интересы Москвы и Пекина в регионе совпадают». «Одной из основ взаимодействия наших стран в ближайшей перспективе является сопряжение национальных стратегий развития – Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Пояс и путь» и формирование в дальнейшем Большого Евразийского партнерства. Государства Центрально-Азиатского региона будут играть при этом одну из ключевых ролей» (интервью Фроловой). Скептики, напротив, утверждают, что как показывает практика, Китай, для достижения своих геополитических целей не нуждается в институционализации. Инициатива «Один пояс, один путь» достаточно активно продвигается с 2013 г. и реализует проекты, не озвучивая детально свои главные цели и задачи, максимально размыто декларируя их во время саммитов. В то время как ШОС, будучи полноценной организацией с уставными документами и постоянным организационным фундаментом, по сей день весьма аморфна и не реализовала ни один многосторонний проект [Там же].

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ КАК ОТВЕТ НА НЕОЛИБЕРАЛЬНУЮ ГЛОБАЛИЗАЦИЮ

Фактор российской внешней политики в ЦА раскрывается в ряде научных публикаций российских и зарубежных исследователей, в выступлениях российских руководителей и официальных лиц.

Аналитики обращают внимание на преобладающие антизападные и антилиберальные настроения, которые характерны для обществ стран ЦА. В связи с этим имеет основание рассмотрение вопроса о ценностной синергии российского проекта и преобладающих ожиданий центральноазиатских обществ и правящих элит.

В российской нормативной «мягкой силе» в ЦА можно выделить несколько направлений. Одно из них реализуется непосредственно государством на двустороннем уровне; другое поддерживается региональными институтами (договорами об СНГ, Евразийском экономическом союзе, ОДКБ, ШОС); третье

осуществляется на уровне взаимодействия антилиберально настроенных гражданских обществ [37]. Кроме того, Россия располагает возможностями военного и других форм давления на государства ЦА, например, через миграционные вопросы, трудовую миграцию. Важную роль в обеспечении российского влияния в ЦА выполняет военное присутствие.

Как суммирует М. Ларюэль, концепция евразийского пространства предстает как особый цивилизованный мир, автономия которого должна быть защищена и в котором Россия играет центральную роль. Россия ценит «классический», «исторический» Запад и считает себя его легитимной частью, но отвергает «постмодернистский» Запад, воспринимаемый как декадентский и отрицающий его собственную сущность. Таким образом, Россия использует «мягкую силу» в ЦА через инструменты влияния евразийской интеграции, «Русского мира» или продвижения «консервативных ценностей» [36].

За годы российской империи и СССР в ЦА сложилось пророссийское историческое сообщество и тесные языковые связи. Образование является важным ресурсом «мягкой силы» для России и активно используется во внутренней, региональной и внешней политике. Российские университеты формируют транснациональные сети влияния и могут распространять те же ценности, что и информационные каналы для студентов из ЦА. По данным ЮНЕСКО в России обучалось более 243 752 иностранных студентов, из которых 69 895 были из Казахстана, 19 893 из Узбекистана, 16 521 из Туркменистана, 15 126 из Таджикистана и 5700 из Кыргызстана [39].

Российской мягкой силе также способствует активная медийная стратегия, тесно связанная с ее внешнеполитическими интересами. Востребованными являются российские шоу. Институциональное строительство следует логике мягкой силы, согласно которой интеграция и сотрудничество считаются более эффективными, чем принуждение. Россия пытается сохранить свое политическое и экономическое влияние путем институционального строительства в виде (ре)интеграции постсоветского пространства в форме СНГ, а затем и ЕАЭС.

Важную роль в обеспечении российского влияния в ЦА выполняет военное присутствие. В Казахстане Россия имеет несколько важных объектов, прежде всего космодром «Байконур», который используется и в военных целях. В Киргизии Россия создала военную базу Кант в 2003 г. А в 2012 г. все военные объекты России в Киргизии преобразованы в Объединенную российскую военную базу. В Таджикистане в 2004 г. была создана постоянная военная база России на базе 201-й мотострелковой дивизии. Три государства ЦА Казахстан, Киргизия и Таджикистан входят в созданную в 1992 г. ОДКБ. До 2012 г. в нее входил также Узбекистан. В рамках ОДКБ созданы коллективные силы быстрого развертывания центрально-азиатского региона, состоящие из десяти батальонов (от России – три батальона). Страны ОДКБ проводят ежегодные международные военные учения. В российских военных училищах готовятся кадры для стран ОДКБ [17].

Особенно большие надежды российское руководство возлагает на сотрудничество по линии евразийской интеграции. С 2010 г. были введены единые системы таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, Таможенный кодекс, позволивший отменить таможенное оформление товаров во взаимной торговле Белоруссии, Казахстана и России. С присоединением Армении и Киргизии Евразийское экономическое сообщество (2001–2014) было преобразовано в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В качестве наблюдателя в нем принимает участие Молдавия. С рядом стран (Вьетнам, Иран, Сингапур, Сербия) ЕАЭС имеет соглашения о свободной торговле. Членами ЕАЭС была поставлена амбициозная задача создания Единого экономического пространства (ЕЭП). С этой целью оформлена правовая база, обеспечивающая единые нормы таможенного, технического, тарифного и нетарифного регулирования, санитарного, ветеринарного и фитосанитарного контроля, гармонизировано антимонопольное регулирование, функционирует общий рынок товаров, услуг, труда и капитала. Заложены основы координации макроэкономической, промышленной и сельскохозяйственной политики, а также развития транспортной и энергетической инфраструктуры Союза. Принята «Дорожная карта» реализации цифровых технологий, разворачивается Интегрированная информационная система процессов управления ЕАЭС. Для ускорения процессов экономической интеграции в декабре 2018 г. была принята Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. В ходе заседания Высшего Евразийского экономического совета в мае 2019 г. главы государств подтвердили намерение о перераспределении компетенций между национальными органами власти и наднациональным органом управления по мере готовности и необходимости [5].

Министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) С.Ю. Глазьев считает, что «инерционное развитие ЕАЭС не позволяет качественно и в срок достроить полноценное Единое экономическое пространство» [Там же]. Первоначально планировалось завершить создание ЕЭП к 2017 г., в настоящее время принято решение о переносе сроков на 2024 г. С.Ю. Глазьев отмечает, что выросло количество изъятий из Единого таможенного тарифа, появляются новые барьеры во взаимной торговле и совместной экономической деятельности, не удалось внедрить Интегрированную информационную систему внешней и взаимной торговли.

В своей программной статье С.Ю. Глазьев предлагает широкий спектр стратегических направлений интеграции. Однако, реализация многих из них упирается в незавершение формирования управляющей системы ЕАЭС, которая должна подразумевать усиление роли надгосударственных органов. «Отсутствие у ЕЭК полномочий по контролю за исполнением Сторонами общесоюзных норм подрывает дееспособность институтов регулирования общего рынка» [Там же].

Тем не менее, немецкий эксперт Мориц Пипер квалифицирует российскую политику в ЦА как «оборонительный регионализм» [40].

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, мы приходим к выводу о том, что ЦА находится под воздействием нескольких крупных надрегиональных и субрегиональных интеграционных проектов, которые влияют на переформатирование региона ЦА (overlapping regionalism) [15]. В связи с этим актуальными являются проблемы изучения сотрудничества, соперничества, сопряжения интеграционных проектов.

На наш взгляд, можно отложить в сторону на неопределенное время идеи о создании ценностно-цивилизационных проектов типа «Большой Европы». К примеру, в статье А.В. Цыка и К.П. Курылева содержится вывод о том, что «эффективное взаимодействие между евразийской и европейской интеграциями может придать новый импульс идее «Большой Европы» только в случае преодоления политического барьера в отношениях между ЕС и Россией» [46]. В современном прочтении идея «Большой Европы» превратилась в миф, не имеющий никакой перспективы для реализации. Между ЕС и Россией может иметь место взаимовыгодное прагматичное сотрудничество в ЦА, преследующее общие цели. То же самое относится к сотрудничеству с другими внешними акторами, реализующими свои интересы в регионе.

Особняком стоит вопрос о возможности сопряжения российского интеграционного проекта ЕАЭС и китайского «Один пояс, один путь».

Ученый из университета Глазго М. Качмарски, отмечает, что у Китая и России разные взгляды на регионализм и разные подходы к тому, как должен быть организован региональный порядок. Китай определяет регионализм в функциональных, а не территориальных терминах и рассматривает свой проект как всеобъемлющий, выходящий за пределы очерченных территориальных границ региона. Правящая элита Китая рассматривает Новый Шелковый путь как способ укрепления связей Китая с внешним миром и усиления выгод, которые он получает от глобализации. Россия, в свою очередь, интерпретирует регионализм в пространственном и историческом плане, рассматривая его в первую очередь как способ реорганизации постсоветского пространства. Российская элита считает Евразийский экономический союз (ЕАЭС) протекционистской мерой против глобализации и барьером против влияния других субъектов на постсоветском пространстве. Китай подчеркивает гибкость и открытость своего проекта. Россия выбирает универсальные и юридически обязательные нормы, что усиливает оборонительный характер ее регионально-проекта [34].

И. Бусыгина и М. Филиппов критически оценивают российскую внешнюю политику на постсоветском пространстве. «По сути, попытки восстановить образ России как «великой державы» привели к снижению российского влияния на постсоветском пространстве. В частности, чем больше Россия действовала как «великая держава», тем менее убедительным было ее обещание уважать национальный суверенитет бывших советских республик, тем меньше у последних было причин

доверять России» [31]. Основная проблема всех постсоветских интеграционных проектов заключается в том, отмечают авторы, что Россия не может взять на себя надежные обязательства. «Россия с большей вероятностью преуспеет в использовании асимметричных двусторонних сделок, чем многосторонние институты, чтобы доминировать в постсоветском регионе» [31].

Китайские исследователи Фэн Юйцзюнь и Шан Юэ прагматично оценивают влияние российско-китайских отношений (гипотетически союза) на противостояние Китая Соединенным Штатам. По их мнению, китайско-российский союз не поможет ни одной из сторон разрешить их напряженность в отношениях с США [48].

29 апреля 2020 г. на специальной платформе по продвижению китайской стратегии «Выход вовне», созданной Министерством торговли КНР, была опубликована статья заместителя директора Исследовательского центра «Пояс и путь» Академии общественных наук КНР Ван Сяоцюаня [7]. Ван Сяоцюань обращает внимание на различие региональной политики между Китаем и Россией. Китай продвигает инициативу «Пояс и путь», направленную на экономическое развитие, а Россия продвигает проект «Большое евразийское партнерство», которое явно ориентировано на вопросы безопасности. Основная причина сдержанного внимания России к формированию Банка развития ШОС заключается именно в том, что Москва была обеспокоена тем, что банк станет для Китая инструментом расширения своего влияния в ШОС. Россия опасается чрезмерного продвижения Китая в ближайшем регионе, в том числе в рамках ШОС. В свою очередь, Китай полностью уважает интересы безопасности России, но выступает против разделения сфер влияния.

В «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути» от 8 мая 2015 г. стороны пришли к консенсусу относительно согласования проектов, «твердо придерживаясь принципов транспарентности, взаимного уважения, равноправия, взаимодополняемости различных интеграционных механизмов и открытости для всех заинтересованных сторон в Азии и Европе». Были определены направления регионального сотрудничества, включая реализацию крупных совместных инвестиционных проектов, реализация проектов инфраструктурного соразвития транспортной, производственной инфраструктуры, рассмотрение долгосрочной цели по продвижению к зоне свободной торговли между ЕАЭС и Китаем и др. Для координации сотрудничества стороны запланировали создание Рабочей группы с участием представителей заинтересованных ведомств под руководством МИД России и МИД КНР [19].

Вполне возможно, что успешное сопряжение российско-китайских интеграционных проектов станет примером для успешного взаимодействия с интеграционными действиями других внешних акторов в регионе ЦА. Российская Федерация имеет немало собственных ресурсов «мягкой силы» в ЦА для упрочения

своего влияния в регионе. Но ситуация в ЦА складывается таким образом, что необходимо принимать в расчет действия других внешних акторов в регионе и выстраивать с ними отношения сотрудничества. Кро-

ме того, надо учитывать национальные интересы центральноазиатских государств, которые вряд ли захотят исполнять роли простых пешек в сложной региональной игре.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Иране начались работы по прокладке железной дороги Чабатар-Захедан. URL: <http://casp-geo.ru/v-irane-nachalis-raboty-po-prokladke-zheleznoj-dorogi-chabatar-zahedan/> (дата обращения: 30.01.2021).
2. В Таджикистане началась реконструкция дороги Куляб-Калайхумб. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20190529/1029027028/Tajikistan-rekonstruktsiya-dorogi-Kulyab-Kalaikhumb.html> (дата обращения: 08.07.2020).
3. Геополитика Китая на Памире и его «липкая сила» в Таджикистане. URL: <https://caa-network.org/archives/19738> (дата обращения: 15.05.2020).
4. Главы МИД ЦА и Японии по итогам встречи подписали итоговый документ. Встреча министров прошла в субботу в Душанбе. 19 мая 2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6445967> (дата обращения: 10.08.2020).
5. Глазьев С. О стратегических направлениях развития ЕАЭС. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27197> (дата обращения: 24.08.2020).
6. Захарьев Я.О. Китайский взгляд на усиление Японии в ЦА в конце 2010-х – начале 2020-х гг.: новые акценты и подходы // Экономика ЦА. 2018. Т. 2. № 4.
7. Партнерство без альянса: стратегические отношения Китая и России на современном этапе. URL: <https://caa-network.org/archives/19724> (дата обращения: 16.05.2020).
8. Интервью И.Ю. Фроловой. Китай и его роль в безопасности в ЦА. URL: <https://caa-network.org/archives/19621> (дата обращения: 15.05.2020).
9. Интервью Ф. Старр. «Пришло время смотреть на Афганистан как часть Центральной Азии». URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/11/21/frederick-starr/> (дата обращения: 20.07.2020).
10. Михайленко В.И., Сухроб Р. Центральная Азия как интеграционный проект в условиях неопределенности // История и современное мировоззрение. 2020. № 3. С. 44–53.
11. Михайленко В.И., Сухроб Р. Роль Европейского союза в конструировании Центрально-Азиатского региона // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2019. Т. 14. № 4 (194). С. 100–114.
12. Михайленко В.И., Сухроб Р. На пути к новой стратегии ЕС для Центральной Азии // История и современное мировоззрение. 2019. № 3. С. 95–102.
13. Мокрецкий А. Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2163> (дата обращения: 07.07.2020).
14. Мурашкин Н., Акылбаев И. Япония и Центральная Азия: «тихое» партнерство с привлечением внерегиональных игроков. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/> (дата обращения: 10.08.2020).
15. Перечень действующих региональных организаций в ЦА: Regional organisations in Central Asia / Laruelle M., Peyrouse S. Patterns of interaction, dilemmas of efficiency. Institute of Public Policy and Administration. Working Paper. 2012. № 10.
16. Попов Д.С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991–2016 гг. М.: РИСИ, 2016.
17. Рыбкин Р.Ю. Стратегия США в Центрально-Азиатском регионе // Управленческое консультирование. 2018. № 4. С. 182–187.
18. Совместное заявление Японии и Республики Казахстан «О расширенном стратегическом партнерстве в век процветания Азии». URL: <https://www.kz.emb-japan.go.jp/files/000202021.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

REFERENCES

1. In Iran, work has begun on the construction of the Chabatar-Zahedan railway. URL: <http://casp-geo.ru/v-irane-nachalis-raboty-po-prokladke-zheleznoj-dorogi-chabatar-zahedan/> (data of accesses: 30.01.2021).
2. Reconstruction of the Kulyab-Kalaikhumb road has begun in Tajikistan. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20190529/1029027028/Tajikistan-rekonstruktsiya-dorogi-Kulyab-Kalaikhumb.html> (data of accesses: 08.07.2020).
3. China's geopolitics in the Pamirs and its "sticky power" in Tajikistan. URL: <https://caa-network.org/archives/19738> (data of accesses: 15.05.2020).
4. The Ministers of Foreign Affairs of Central Asia and Japan signed a final document following the meeting. The ministerial meeting took place on Saturday in Dushanbe. May 19, 2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6445967> (data of accesses: 10.08.2020).
5. Glazyev S. On the strategic directions of the EAEU development. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27197> (data of accesses: 24.08.2020).
6. Zakhariev Ya.O. Chinese view of Japan's strengthening in Central Asia in the late 2010s – early 2020s: new accents and approaches. *Economy of CA*. 2018. Vol. 2. No. 4. (In Russ.)
7. Partnership without alliance: Strategic relations between China and Russia at the present stage. URL: <https://caa-network.org/archives/19724> (data of accesses: 16.05.2020).
8. Interview with I. Frolova. China and its role in security in Central Asia. URL: <https://caa-network.org/archives/19621> (data of accesses: 15.05.2020).
9. Interview F. Starr. "It's time to look at Afghanistan as part of Central Asia". URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/11/21/frederick-starr/> (data of accesses: 20.07.2020).
10. Mikhailenko V.I., Sukhrob R. Central Asia as an integration project under conditions of uncertainty. *History and Modern Worldview*. 2020. No. 3. Pp. 44–53. (In Russ.)
11. Mikhailenko V.I., Sukhrob R. The role of the European Union in the construction of the Central Asian region. *News of the Ural Federal University. Ser. 3: Social Sciences*. 2019. Vol. 14. No. 4 (194). Pp. 100–114. (In Russ.)
12. Mikhailenko V.I., Sukhrob R. Towards a new EU strategy for Central Asia. *History and Modern Worldview*. 2019. No. 3. Pp. 95–102. (In Russ.)
13. Mokretsky A. Chinese diplomacy in the era of Xi Jinping. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2163> (data of accesses: 07.07.2020).
14. Murashkin N., Akybaev I. Japan and Central Asia: "quiet" partnership with the involvement of non-regional players. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/> (data of accesses: 10.08.2020).
15. List of operating regional organizations in Central Asia: Regional organizations in Central Asia. In: Laruelle M., Peyrouse S. Patterns of interaction, dilemmas of efficiency. *Institute of Public Policy and Administration. Working Paper*. 2012. No. 10.
16. Popov D.S. Central Asia in US foreign policy. 1991–2016. Moscow: RISI, 2016.
17. Rybkin R.Yu. US Strategy in the Central Asian Region. *Management Consulting*. 2018. No. 4. Pp. 182–187. (In Russ.)
18. Joint statement of Japan and the Republic of Kazakhstan "On expanded strategic partnership in the age of prosperity in Asia". URL: <https://www.kz.emb-japan.go.jp/files/000202021.pdf> (data of accesses: 10.08.2020).

19. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая 2015 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 04.02.2020).
20. Стратегия России в Центральной Азии и будущее интеграционных проектов. Интервью со Станиславом Притчиным. URL: <https://caa-network.org/archives/21190> (дата обращения: 11.05.2020).
21. Текст совместного заявления: Afghanistan, China, Pakistan, Tajikistan issue joint statement on anti-terrorism // Ministry of National Defense of the People's Republic of China. 3 August 2016. URL: http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2016-08/04/content_4707451.htm (дата обращения: 11.05.2020).
22. Троцкий Е.Ф., Ким М.Ю. Политика Японии в Центральной Азии (1992–2016 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 85.
23. Троцкий Е.Ф. Политика США в Центральной Азии: подходы второй администрации Дж. Буша (2005–2009 гг.) и Б. Обамы (2009–2010 гг.) // Сравнительная политика. 2011. Т. 2. № 4. С. 65–74.
24. Тюркское сотрудничество и внешняя политика Турции в Центральной Азии. Интервью. URL: <https://caa-network.org/archives/21201> (дата обращения: 11.05.2020).
25. Умаров А.А. Стратегические инициативы США и Китая в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2015. № 1. С. 128–137.
26. Фролова И.Ю. Взаимодействие в рамках четырехстороннего механизма по сотрудничеству и координации с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана. URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2020/1/03.pdf> (дата обращения: 11.05.2020).
27. Acharya A. Thinking theoretically about Asian IR. URL: https://www.researchgate.net/publication/342345351_Thinking_Theoretically_about_Asian_IR_AMITAV_ACHARYA (дата обращения: 16.07.1920).
28. Acharya A., Buzan B. The making of Global International Relations. In: The making of Global International Relations: Origins and evolution of IR at its centenary. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
29. Anceschi L. Gulf-Central Asia relations: Beyond the impasse. Potential for energy and infrastructure cooperation. URL: https://eda.ac.ae/docs/default-source/Publications/eda-insight_gulf-central-asia_en.pdf?sfvrsn=2 (дата обращения: 07.07.2020).
30. Area Studies Central Asia. 2017. Foreign policy research Centre New Delhi (India). URL: https://www.fprc.in/area_specific.php (дата обращения: 28.01.2021).
31. Busygina I., Filippov M. Nested games? The inconsistencies of Russian foreign policy in Eurasia. URL: https://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepr684_Filippov-Busyginav_Jan2021.pdf (дата обращения: 01.02.2021).
32. European Commission. International partnerships. URL: <https://ec.europa.eu/international-partnerships/> (дата обращения: 05.02.2021).
33. Friedman B. The Northern Tier and great power competition in West Asia. In: The idea of the Northern Tier. A new order in the Middle East? Serkan Yolaçan (ed.). MEI Singapore, 2019. Pp. 26, 29.
34. Kaczmarek M. Non-western visions of regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union. *Intern. Affairs*. Nov. 2017. Vol. 93. Iss. 6. Pp. 1357–1376.
35. Kucera J. Afghanistan, China, Pakistan, Tajikistan Deepen "Anti-Terror" Ties. URL: <https://eurasianet.org/afghanistan-china-pakistan-tajikistan-deepen-anti-terror-ties> (дата обращения: 04.01.2021).
36. Laruelle M. Assessing Russia's normative agenda in Central Asia. URL: <https://www.bishkekproject.com/memos/16> (дата обращения: 04.04.2020).
37. Laruelle M. Russia's Eurasianist soft power in Central Asia. URL: <http://greater-europe.org/archives/3190> (дата обращения: 14.08.2020).
19. Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on cooperation in conjunction with the construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt. May 8, 2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (data of accesses: 04.02.2020).
20. Russia's strategy in Central Asia and the future of integration projects. Interview with Stanislav Pritchkin. URL: <https://caa-network.org/archives/21190> (data of accesses: 11.05.2020).
21. Text of the joint statement: Afghanistan, China, Pakistan, Tajikistan issue joint statement on anti-terrorism. Ministry of National Defense of the People's Republic of China. 2016. 3 August 2016. URL: http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2016-08/04/content_4707451.htm (data of accesses: 11.05.2020).
22. Troitsky E.F., Kim M.Yu. Japan's policy in Central Asia (1992–2016). *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2017. No. 50. Pp. 85. (In Russ.)
23. Troitsky E.F. US policy in Central Asia: Approaches of the second administration of George W. Bush (2005–2009) and B. Obama (2009–2010). *Comparative Politics*. 2011. Vol. 2. No. 4. Pp. 65–74. (In Russ.)
24. Turkish cooperation and Turkish foreign policy in Central Asia. Interview. URL: <https://caa-network.org/archives/21201> (data of accesses: 11.05.2020).
25. Umarov A.A. Strategic initiatives of the United States and China in Central Asia. *Comparative Politics*. 2015. No. 1. Pp. 128–137. (In Russ.)
26. Frolova I. Interaction within the framework of the Quadrilateral Mechanism for Cooperation and Coordination with the participation of China, Afghanistan, Pakistan and Tajikistan. URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2020/1/03.pdf> (data of accesses: 11.05.2020).
27. Acharya A. Thinking theoretically about Asian IR. URL: https://www.researchgate.net/publication/342345351_Thinking_Theoretically_about_Asian_IR_AMITAV_ACHARYA (data of accesses: 16.07.1920).
28. Acharya A., Buzan B. The making of Global International Relations. In: The making of Global International Relations: Origins and evolution of IR at its centenary. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
29. Anceschi L. Gulf-Central Asia relations: Beyond the impasse. Potential for energy and infrastructure cooperation. URL: https://eda.ac.ae/docs/default-source/Publications/eda-insight_gulf-central-asia_en.pdf?sfvrsn=2 (data of accesses: 07.07.2020).
30. Area Studies Central Asia. 2017. Foreign policy research Centre New Delhi (India). URL: https://www.fprc.in/area_specific.php (data of accesses: 28.01.2021).
31. Busygina I., Filippov M. Nested games? The inconsistencies of Russian foreign policy in Eurasia. URL: https://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepr684_Filippov-Busyginav_Jan2021.pdf (data of accesses: 01.02.2021).
32. European Commission. International partnerships. URL: <https://ec.europa.eu/international-partnerships/> data of accesses: 05.02.2021).
33. Friedman B. The Northern Tier and great power competition in West Asia. In: The idea of the Northern Tier. A new order in the Middle East? Serkan Yolaçan (ed.). MEI Singapore, 2019. Pp. 26, 29.
34. Kaczmarek M. Non-western visions of regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union. *Intern. Affairs*. Nov. 2017. Vol. 93. Iss. 6. Pp. 1357–1376.
35. Kucera J. Afghanistan, China, Pakistan, Tajikistan Deepen "Anti-Terror" Ties. URL: <https://eurasianet.org/afghanistan-china-pakistan-tajikistan-deepen-anti-terror-ties> (data of accesses: 04.01.2021).
36. Laruelle M. Assessing Russia's normative agenda in Central Asia. URL: <https://www.bishkekproject.com/memos/16> (data of accesses: 04.04.2020).
37. Laruelle M. Russia's Eurasianist soft power in Central Asia. URL: <http://greater-europe.org/archives/3190> (data of accesses: 14.08.2020).

38. *Laruelle M., Royce D.* No great game: Central Asia's public. Opinions on Russia, China, and the U.S. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/KI_200805_cable%2056_final.pdf (дата обращения: 23.08.2020).
39. *Longhurst K., Nitza-Makowskar A., Skiert-Andrzejuk K.* Re-thinking soft power: China, Russia and the European Union in Central Asia. URL: https://www.academia.edu/42989458/Re-thinking_soft_power_China_Russia_and_the_European_Union_in_Central_Asia (дата обращения: 25.07.2020).
40. *Pieper M.* The linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian economic union between Russia's defensive regionalism and China's new Silk Roads. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/s41311-020-00244-6.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).
41. *Prasad Das J.* India's "Connect Central Asia" Policy. URL: <https://www.foreignpolicyjournal.com/2012/10/29/indias-connect-central-asia-policy/> (дата обращения: 22.01.2021).
42. *Spengler.* A Pax Sinica takes shape in the Middle East. URL: https://asiatimes.com/2021/02/a-pax-sinica-takes-shape-in-the-middle-east/?mc_cid=49cccf8b30&mc_eid=2c6d438fa6 (дата обращения: 05.02.2021).
43. The idea of the Northern Tier. A new order in the Middle East? S. Yolaçan (ed.). MEI Singapore, 2019.
44. *Timakova O.* Strategy of the Gulf countries: Special aspects of Policy towards Central Asian Countries. URL: https://www.ca-c.org/online/2020/journal_eng/cac-01/03.shtml (дата обращения: 08.07.2020).
45. *Troitskiy M.* Institutionalizing U.S.–Russian cooperation in Central Eurasia. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/OP293_institutionalizing_us_russia_cooperation_troitskiy_2006.pdf (дата обращения: 20.12.2021).
46. *Tsvyk A., Kurylev K.* The idea of a "Greater Europe" in Russian foreign policy: Past and present // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 438–447.
47. *Zhiltsov S.* Japan's policy in Central Asia and its implementation. URL: https://www.ca-c.org/online/2020/journal_eng/cac-01/04.shtml (дата обращения: 23.08.2020).
48. 美俄关系新发展与中国的政策选择/ 来源:《国际问题研究》2018年第4期 作者:冯玉军 尚月 时间:2018-07-25. URL: http://www.cis.org.cn/gyzz/2018-07/25/content_40434373.htm (Feng Yujun, Shang Yue. China International Studies (September/October 2018) (дата обращения: 02.02.2020).
38. *Laruelle M., Royce D.* No great game: Central Asia's public. Opinions on Russia, China, and the U.S. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/KI_200805_cable%2056_final.pdf (data of access: 23.08.2020).
39. *Longhurst K., Nitza-Makowskar A., Skiert-Andrzejuk K.* Re-thinking soft power: China, Russia and the European Union in Central Asia. URL: https://www.academia.edu/42989458/Re-thinking_soft_power_China_Russia_and_the_European_Union_in_Central_Asia (data of access: 25.07.2020).
40. *Pieper M.* The linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian economic union between Russia's defensive regionalism and China's new Silk Roads. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/s41311-020-00244-6.pdf> (data of access: 12.05.2020).
41. *Prasad Das J.* India's "Connect Central Asia" Policy. URL: <https://www.foreignpolicyjournal.com/2012/10/29/indias-connect-central-asia-policy/> (data of access: 22.01.2021).
42. *Spengler.* A Pax Sinica takes shape in the Middle East. URL: https://asiatimes.com/2021/02/a-pax-sinica-takes-shape-in-the-middle-east/?mc_cid=49cccf8b30&mc_eid=2c6d438fa6 (data of access: 05.02.2021).
43. The idea of the Northern Tier. A new order in the Middle East? Serkan Yolaçan (ed.). MEI Singapore, 2019.
44. *Timakova O.* Strategy of the Gulf countries: Special aspects of Policy towards Central Asian Countries. URL: https://www.ca-c.org/online/2020/journal_eng/cac-01/03.shtml (data of access: 08.07.2020).
45. *Troitskiy M.* Institutionalizing U.S.–Russian cooperation in Central Eurasia. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/OP293_institutionalizing_us_russia_cooperation_troitskiy_2006.pdf (data of access: 20.12.2021).
46. *Tsvyk A., Kurylev K.* The idea of a "Greater Europe" in Russian foreign policy: Past and present. *Vestnik RUDN. Ser.: Istoriya Rossii.* 2020. Vol. 19. No. 2. Pp. 438–447. (In Russ.)
47. *Zhiltsov S.* Japan's policy in Central Asia and its implementation. URL: https://www.ca-c.org/online/2020/journal_eng/cac-01/04.shtml (data of access: 23.08.2020).
48. 美俄关系新发展与中国的政策选择/ 来源:《国际问题研究》2018年第4期 作者:冯玉军 尚月 时间:2018-07-25. URL: http://www.cis.org.cn/gyzz/2018-07/25/content_40434373.htm (Feng Yujun, Shang Yue. China International Studies (September/October 2018) (data of access: 02.02.2020).

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность – 84%.

Р е ц е н з е н т: Кузьмин В.А., доктор исторических наук; профессор кафедры востоковедения Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета

Статья поступила в редакцию 10.01.2021, принята к публикации 17.02.2021

The article was received on 10.01.2021, accepted for publication 17.02.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Михайленко Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета. Екатеринбург, Российская Федерация. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2576-212X>; Researcher ID: (WoS): AAA-5964-2019; E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

Сухроб Рустами, инженер-исследователь, аспирант кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: izan_93@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Valery I. Mikhaylenko, Dr. Sci. (Hist.), Professor; professor at the Department of Theory and History of International Relations of the Ural Federal University. Yekaterinburg, Russian Federation. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2576-212X>; Researcher ID: (WoS): AAA-5964-2019; E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

Rustami Suhrob, research engineer, post-graduate student at the Department of Theory and History of International Relations of the Ural Federal University. Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: izan_93@mail.ru